

А. С. МЕЛЬНИЧУК

СЛЕДЫ ВЗРЫВНОГО ЛАРИНГАЛЬНОГО
В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Принятая в расшифрованных хеттских клинописных памятниках система письма не имеет специального знака, который свидетельствовал бы о наличии в хеттском языке взрывного ларингального с такой же очевидностью, с какой в этой системе отражается заднеязычный *h* (*ḫ*). Однако некоторые особенности хеттского правописания не могут быть поняты иначе, как косвенное обозначение взрывного ларингального. Речь идет прежде всего о довольно последовательно применяемом и не зависящем от несовершенства хеттской клинописной графики повторном написании гласных в известных формах хеттских слов — написании, не получившем единого и удовлетворительного объяснения.

Повторное написание гласных в начале хеттских слов, которым в других индоевропейских языках соответствуют слова с краткими начальными гласными (например, *e-eš-har* «кровь» — санскр. *ásṛk*, греч. *ἔαρ*, латыш. *asins*; *e-eš-zi* «есть» — лат. *est*, греч. *ἔσσι*, ст.-слав. *кстѣ*; *a-ar-ra*, реже *a-ra* «сзади, снова» — греч. *ἀπό*, санскр. *apa* и т. п.), иногда объясняют тенденцией клинописи к тому, чтобы «закрытым» знаками (типа *eš*, *ar* и т. п.) после «открытых» знаков (типа *še*, *ra*, в том числе и после *e*, *a*) обозначать только конечный согласный в слове¹. Но такое объяснение, вполне удовлетворительное для ряда написаний, оказывается неубедительным в случаях чередования типа *e-eš-zi*: *a-ša-an-zi* или *e-it-mi* «ем», *e-iz-zi* «ешь» (*-it-*, *-iz-* произносятся как *-et-*, *-ez-*): *az-za-aš-te-ni* «едите». *a-da-an-zi* «едят»². Этому чередованию в родственных языках соответствует чередование начального *e-* с нулем в этимологически тождественных формах: ср. ст.-слав. *кстѣ*: *сѣтѣ*, санскр. *ásti*: *sánti*; лат. *edo* «ем»: *dens* «зуб», санскр. *admi* «ем»: *dant-* «зуб». Э. Х. Стертевант считает, что хеттские написания в данном случае, как и в параллельных примерах с начальными согласными перед изменяющимся гласным, отражают чередование гласного полного образования *e* со ступенью редукции *ь*³. Предположение Э. Х. Стертеванта само по себе возражений не вызывает, но вместе с тем оно и не объясняет, почему хеттские формы, соответствующие в данном случае формам с начальным кратким гласным в других индоевропейских языках, пишутся с удвоением этого гласного. Для объективного решения вопроса о значении двойного написания начального гласного в хеттском языке необходимо учесть, что ряд других слов, начинающихся с гласного, независимо от качества начального слога, последовательно пишутся в хеттских памятниках без удвоения; например: *e-ku-zi* «пьет», *a-ku-ua-an-zi* «пьют», *ak-ku-uš-ki-iz-zi* «попивает», *ak-ku-uš-kan-zi* «попивают»; *an-na-aš*, *an-na* «мать», *at-ta-aš*, *at-ta*, *ad-do-aš-ša-an* «отец»; *ar-nu-uz-zi* «несет», *ar-nu-an-zi* «несут» и т. п.

¹ Н. Pedersen, *Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen*, København, 1948, стр. 4.

² К двум приведенным примерам можно присоединить аналогичное чередование *e-ip-zi* «берет»: *ar-ra-an-zi* «берут», но здесь дело усложняется тем, что в других индоевропейских языках соответствующий глагол обнаруживает чередование *i* (= *e*?) с *ā* (лат. *apiscor*: **co-ēpi* (> *coepi*), санскр. *āproti* «потучает»).

³ Э. Х. Stertevant, *A comparative grammar of the Hittite language*, Philadelphia, 1933, стр. 98—99; Э. Х. Stertevant, E. А. Hahn, *A comparative grammar of the Hittite language*, New Haven, 1951, стр. 33.

Ключ к пониманию причины двойного написания начальных гласных в части хеттских слов естественнее всего искать в аккадской системе письма, которая легла в основу хеттской письменности. Известно, что в аккадском письме знак единственного сохранившегося в нем ларингального согласного — гортанной смычки — ' ('алеф), в котором совпали четыре общесемитских ларингальных звука, применялся более или менее последовательно лишь в середине слов, между тем как в начале слов его обозначение встречается крайне редко⁴. (По мнению семитологов, его необходимо всегда иметь в виду при чтении⁵.) Следует полагать, что причиной такого расхождения в употреблении алефа внутри и в начале слов было более заметное ослабление гортанной смычки в начале слова. Параллельно с опущением начального алефа в аккадском письме оказывается довольно обычным двойное написание начального краткого гласного звука без какой-либо видимой причины⁶. Особенно часто встречаются подобные написания в аккадских текстах из Бозазкёя, откуда происходит и подавляющее большинство известных памятников хеттского языка⁷. Возможно, что двойным написанием начального гласного в аккадской письменной практике как раз и обозначалось ослабленное произношение гортанной смычки в начале слова. Что же касается хеттской письменности, разившейся на основе аккадской практики, то в ней такое обычное для аккадского письма двойное написание начального краткого гласного вполне естественно могло быть принято в качестве единственного средства обозначения начального взрывного ларингального, который, как и в аккадском языке, был, по-видимому, тоже значительно ослаблен⁸. Об ослабленном произношении взрывного ларингального в хеттском языке периода письменных памятников свидетельствуют, в частности, случаи единичного написания начальных гласных в формах, которые обычно пишутся с двойным гласным [например: *a-pa* при более обычном *a-ap-pa* «сзади; снова», *aš-šu-la-aš* «доброта» при обычном *a-aš-šu-uš* «добрый», *a-aš-šu-la-an* «доброту»; *e-ša(-ri)* «сидит» при *e-eš-zi* «сидит», *e-za-az-zi* «ест», *e-te-ir* «они ели» при *e-it-mi* «ем», *e-iz-ta* «он ел» и др.]. Встречаются и обратные случаи двойного написания начальных гласных в словах, обычно писавшихся с одним гласным: *a-ah-ta-ni* «умираете» при обычных *a-ki* «умирает», *ak-kán-zi* «умирают» и т. п.

Не менее показательным в качестве свидетельства о наличии взрывного ларингального в хеттском языке является двойное написание гласных внутри и в конце слов, т. е. написание отдельных знаков гласных, тождественных конечным гласным в составе предшествующего знака или реже начальным гласным в составе последующего знака. Например: *a-a-an-za* «горячий», *a-a-ru-na-aš* «море», *da-a-i* или *da-i-i* 1) «берет», 2) «кладет», *iš-da-a-pi* «запирает; откладывает», *pa-ra-a* «прочь» и т. п. Аналогичные написания в аккадском рассматриваются в части случаев как отражение придыхательного согласного (т. е. алефа) или шипящего. В других случаях как указание на долготу гласного⁹. Но и долготы гласных в соответствующих примерах часто оказывается лишь более поздним результатом ослабления гортанной смычки внутри слова¹⁰. Так, приводи-

⁴ Ср. F. Delitzsch, *Assyrische Grammatik*, Berlin, 1889, стр. 42. 53—54; A. Ungnad, *Babylonisch-assyrische Grammatik*, München, 1906, стр. 5.

⁵ A. Ungnad, указ. соч., стр. 5.

⁶ F. Delitzsch, указ. соч., стр. 42—43.

⁷ E. H. Sturtevant, *A comparative grammar of the Hittite language*, стр. 61.

⁸ О гортанной смычке перед начальным гласным, отражаемой в хеттских написаниях типа *e-eš-*, писал еще Сепир (см. E. S a p i r, *The Indo-European words for «ear», «Language», vol. 15, № 3, 1939, стр. 180*). Предположение о наличии в хеттском языке ослабленной смычки перед начальными гласными высказывает и голландский ученый В. Куврёр (см. W. C o u v r e u r, *De hettitische h*, Leuven, 1935, стр. 31).

⁹ См. E. H. Sturtevant, *A comparative grammar of the Hittite language*, стр. 61.

¹⁰ A. Ungnad, указ. соч., стр. 8, 43—45.

мое в качестве примера подобного обозначения долготы аккадское слово *be-e-el* «господин» представляет собой сравнительно позднее видоизменение корня *b'l* со значением «покорять, овладевать», слово *ru-u-ku* «далеко» восходит к корню *r'k* и т. п. (ср. аккад. *zibu* «волк» из *zi'bu*, *abut* «я уничтожал» из *a'but* и пр.). Под влиянием форм с долготами, образовавшимися в результате ослабления ларингального, двойное написание гласного могло распространиться в аккадском письме и на случаи с долготами другого происхождения. Что же касается хеттского языка, то в нем установить прямое соответствие между двойным написанием гласных и их долготой вовсе невозможно¹¹. С другой стороны, чисто внутренние признаки хеттского письма свидетельствуют о том, что написание двойных гласных внутри и в конце хеттских слов по своему значению несколько не отличается от двойных написаний гласных в начале слов и представляет собой, по аналогии с аккадским письмом более раннего периода, обычное стражение ослабленного смычного ларингального после соответствующего краткого гласного перед другим гласным или перед согласным.

Одним из наиболее веских доказательств отражения хеттского взрывного ларингального согласного внутри слова являются случаи с двумя следующими друг за другом неодинаковыми гласными, в которых оказываются возможными параллельные написания с удвоением то первого, то второго из этих гласных. Например: *na-a-iš* и *na-i-iš* «обращал, посылал», *na-a-ir* и *na-i-ir* «они обращали, посылали», *da-a-ir* и *da-i-ir* «они брали», *da-ma-a-iš* и *da-ma-i-iš* «другой», *ta-ma-a-in* и *ta-ma-i-in* «другого». Отмечая некоторые из подобных случаев, Х. Педерсен рассматривает их как указания на двусложный (не дифтонгический) характер сочетаний соответствующих двух гласных, в частности как отражение зияния между двумя гласными¹². Но если понимать зияние именно как отсутствие какого-либо согласного звука между соседними гласными, то предположение Х. Педерсена вряд ли можно считать полностью удачным. Отмеченные параллельные написания свидетельствуют прежде всего о том, что удвоение на письме предыдущего гласного в положении перед начинающим следующий слог отличным от него гласным *i* (*e*) равнозначно удвоенному написанию следующего гласного в начале нового слога. Поскольку же удвоенное написание гласного в начале внутреннего слога представляет собой тот же самый прием, который в начале первого слога является отражением ослабленного смычного ларингального, то и внутри слова подобное написание вместе с параллельным ему удвоенным предшествующего гласного невозможно понимать иначе, как обозначение такого же ослабленного взрывного ларингального. Так же должны быть расценены и все случаи повторного написания гласного внутри слова перед согласными и в абсолютном конце слова. Как уже отмечалось, подобное звуковое значение двойного написания внутренних гласных признается и для аккадской системы письма. При этом возможно, что в части соответствующих хеттских написаний отражается рефлекс еще одного ларингального — *придыхательного*¹³, но для проверки этого предположения пока что нет надежных данных.

Важное значение для определения звукового характера ларингального согласного, обозначаемого внутри слова двойным написанием предшествующего гласного, имеет тот факт, что при непосредственном соприкосновении такого ларингального со следующим согласным он имеет свойство сливаться с этим согласным, иногда, по-видимому, вызывая его удлинение (удвоение). Так, например, встречаются параллельные написания: *da-a-at-tin* и *da-at-tin* «берите», *te-e-te-ni* «говорите» и *te-iz-zi* «говорит»,

¹¹ См.: E. H. Sturtevant, A comparative grammar of the Hittite language, стр. 61—64; е го ж е, The Indo-Hittite laryncals, Baltimore, 1942, стр. 33; H. K r o n a s s e r, Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen, Heidelberg, 1956, стр. 29, 35—37; иначе Н. П е д е р с е н, указ. соч., стр. 164.

¹² Н. П е д е р с е н, указ. соч., стр. 38, 88.

iš-da-a-pi и *iš-tap-pi* «запирает», *ḫu-u-ki-iš-kan-zi* и *ḫu-uk-ki-iš-kan-zi* «проклинают», *še-e-ša-an-zi* «спят» и *še-eš-zi* «спит», *ḫa-a-ši* «открывает» и *ḫa-aš-ša-an-zi* «открывают», *la-a-ḫu-i*, *la-a-ḫu-wa-i* «льет» и *la-aḫ-ḫu-tin* «лейте» (ср. *la-ḫu-uh-ḫi* «лью») и др. Сюда же следует отнести и случаи, в которых ассимиляция взрывного ларингального следующему согласному происходит в условиях редукции предшествующего гласного: *da-a-i* «берет»: *tum-me-ni* «берем»; *da-a-i* «кладет, ставит»: *ti-it-ta-mi* «ставлю, сажаю»¹³. Хендриксен считает, что подобные явления представляют собой лишь варианты написаний, не отражающие каких-либо особенностей в произношении¹⁴. В действительности же эти факты убедительно свидетельствуют о смычном характере ларингального, который по своей природе легче других согласных поддается ассимиляции соседним звукам. Это подтверждается, в частности, и сравнением с соответствующим звуком аккадского языка, который тоже часто подвергался ассимиляции со стороны соседних согласных¹⁵.

Таким образом, сопоставление отдельных особенностей хеттской клинописной системы между собой и с особенностями непосредственно связанной с ней системы аккадского письма дает возможность сделать вывод о наличии в хеттском языке II тысячелетия до н. э. ослабленного взрывного ларингального, который обозначался дополнительным написанием гласного перед соответствующим гласным (в начале слога) или же после него. Этот вывод подтверждается сравнением фактов хеттского языка с родственными фактами других индоевропейских языков.

*

Данные других индоевропейских языков, представляющие прямые соответствия или несомненные параллели отражениям взрывного ларингального в хеттской письменности, относятся преимущественно к положению ларингального внутри слова. В основной массе индоевропейских языков исторического периода исчезло не только различие между рефлексамми отдельных ларингальных в начале слов, но и сами эти рефлекссы, оставив свой след, по-видимому, лишь в окраске начальных гласных. Тем не менее имеются веские доказательства в пользу того, что в более ранние периоды развития всех индоевропейских языков им были свойственны ларингальные согласные в начале слов перед гласными. Известно, например, что в древнегерманской поэзии с характерными для нее аллитерациями начальных согласных смежных ритмических отрезков стиха вместо аллитерирующих одинаковых согласных могли выступать гласные, в том числе и совершенно разные. Эти случаи объясняются тем, что в период создания таких стихов перед начальными гласными в соответствующих местах звучали исчезнувшие впоследствии согласные звуки, которые и создавали аллитерацию¹⁶. Этими согласными могли быть только ларингальные, которые вовсе не обязательно должны были сохранять старые различия между собой¹⁷. Возможно, что отдельные ларингальные в германских языках исчезли еще раньше, другие же ларингальные — вероятнее всего, именно взрывной ларингальный или его ослабленный рефлекс — распро-

¹³ О связи между *da-a-i* и *ti-it-ta-mi* см. Н. К r o n a s s e r, указ. соч., стр. 180 (сноска).

¹⁴ Н. H e n d r i k s e n, Untersuchungen über die Bedeutung des Hethitischen für die Laryngaltheorie, København, 1941, стр. 39.

¹⁵ Ср. А. U n g n a d, указ. соч., стр. 8. 44—45.

¹⁶ См. L. L. H a m m e r i c h, Laryngeal before sonant, København, 1948, стр. 34 (со ссылками на работы специалистов).

¹⁷ Отвергая предположение о гортанной смычке как аллитерирующем элементе в древнегерманской поэзии, В. П. Леман исходит главным образом из того, что гортанная смычка не обозначалась на письме и не установлена для общегерманского сравнительно-историческим путем. Ни эти, ни другие его аргументы не доказывают отсутствия гортанной смычки в период формирования древнегерманской аллитерации (см. W. P. L e h m a n n, The alliteration of Old Saxon poetry, Oslo, 1953, стр. 18—22).

странились на все слова с начальными гласными¹⁸. В свете фактов из древнегерманской поэзии не исключена возможность, что сильный приступ, характерный для начальных гласных в современном немецком языке, представляет собой продолжение древнего взрывного ларингального, распространившегося тем или иным путем также и на место других начальных ларингальных.

Что касается рефлекса индоевропейского взрывного ларингального внутри слова, то, помимо хеттского, он сохраняется наиболее отчетливо в современном латышском языке в виде гортанной смычки, характерной для латышской прерывистой, или ломаной, интонации, которая своим общим движением тона приближается к интонации нисходящей¹⁹.

После работ Я. Эндзелина по данному вопросу, первая из которых вышла в 1900 г., стало обычным объяснение латышской прерывистой интонации как особой разновидности длительной (т. е. древней акутовой) интонации, развившейся в латышских словах, в прошлом имевших подвижное ударение. Однако соответствие латышской прерывистой интонации литовскому подвижному ударению при акутированном корне (именно на этом основана теория Эндзелина) заметно преобладает только в пменах существительных на *-o-*, между тем как в именах существительных на *-a-* и в именах прилагательных такое преобладание отсутствует²⁰. В теории Эндзелина остается необъясненной и внутренняя природа предполагаемой им связи между прерывистой интонацией и подвижностью ударения в слове с акутом на корне. Приведенная у К. Буги схема развития прерывистой интонации в виде *kélma's* → *kêlma's* (*kêlma's*?) → *cêl'mas* → *cêl'ms* (пшется *ce'lms*)²¹ производит впечатление сконструированной только под влиянием положения Эндзелина, а не на основании определенных общезвонических закономерностей.

Е. Курилович справедливо отвергает предложенное Эндзелином объяснение латышской прерывистой интонации как недостаточно обоснованное. Но выдвинутое Куриловичем утверждение о связи латышской прерывистой интонации с балто-славянской окситонезой не более убедительно, чем положение Эндзелина, так как фактически Курилович только подставил под литовское подвижное ударение, на котором основывалось положение Эндзелина, предполагаемую более древнюю окситонезу²². В действительности некоторая связь между латышской прерывистой

¹⁸ Ср., впрочем, частые написания так называемого протетического *h* в древневерхненемецких памятниках: (*h*)*uns* «uns», (*h*)*ûze* «aussen», (*h*)*arbeits* «Arbeit», (*h*)*erda* «Erde» и др.

¹⁹ Подробное артикуляционно-акустическое описание латышской прерывистой интонации см. в книге: R. E k b l o m, Die lettischen Akzentarten, Uppsala, 1933; см. также П. Ш м и д т, Тройная долгота в латышском языке, сб. ОРЯС, т. LXVII. № 2, 1899; J. E n d z e l i n, Über den lettischen Silbenakzent, «Beitrage zur Kunde der indogermanischen Sprachen», Bd. 25, Hf. 3—4, Göttingen, 1900, стр. 259—273; е г о ж е, Latviesu valodas gramatika. Rīga, 1951, стр. 34—45, с библиографией. Проводимое в работах Р. Экблома утверждение о факультативном и привходящем характере гортанной смычки в латышской прерывистой интонации, призванное подкрепить основное положение Экблома об эмфатическом происхождении прерывистой интонации в латышском, как и гортанной смычки (*stôd*) в датском, представляется малоубедительным. Отмечаемый Экбломом факт отсутствия гортанной смычки в значительной части случаев произношения прерывистой интонации (ср. аналогичные характеристики прерывистой интонации в работах Н. S c h m i d t - W a r t e n b e r g, Phonetische Untersuchungen zum lettischen Akzent, IF, Bd. X, Hf. 1, 1891, стр. 117 и с. и А. П. А б е л ь, Об акцентуации ударенных простых гласных в латышском языке, ИОРЯС, т. XX, кн. 2, 1915, стр. 152 и сл.) представляет собой лишь обычное ослабление гортанной смычки, более или менее последовательное в различных говорах.

²⁰ См. J. K u r y ł o w i c z, L'accentuation des langues indo-européennes. 2-e éd. Wrocław — Kraków, 1958, стр. 195, 339—342, где недостатки положения Эндзелина рассматриваются более подробно. См. также N. v a n W i j k, Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme, Amsterdam, 1923, стр. 20—21.

²¹ К. B u g a, Lietuvių kalbos žodynas, 1 sąsiuv., Kaunas, 1924, стр. XXX.

²² См. J. K u r y ł o w i c z, L'accentuation des langues indo-européennes, стр. 341—342 и др.

интонацией и подвижностью ударения в литовском (а может быть, и предполагаемой балто-славянской оксптонезой) вполне возможна, но факты говорят о том, что результатом здесь следует признать не прерывистую интонацию, а скорее подвижность или конечное расположение ударения.

Сопоставление хеттских слов, имеющих согласный *h(h)* внутри слова, в том числе после сонорных, с родственными словами латышского языка обнаруживает соответствие хеттских сочетаний с *h(h)* латышским гласным или дифтонгическим сочетаниям с длительной интонацией. Например: хет. *iš-ḥi-ya-an-zi* «вяжут», *iš-ḥa-a-i* «вяжет» — латыш. *saīte* «завязка», *sēta* «забор»; хет. *me-ḥur*, род. падеж *me-e-ḥu-na-aš*, «время дня» — латыш. *mēnesis* «месяц»; хет. *še-e-ḥur* «моча» — латыш. *sēkla* «семья», *sēt*, *sēju* «сеять, сею»²³; хет. *wa-al-aḥ-zi* «бьет. валит. нападает, вредит», *wa-al-ḥa-an-zi* «бьют» — латыш. *vāļāt*, *vēlt* «валить» (но *vēlu* «валял»); хет. *ar-ḥa* «прочь», *ar-ḥi* «во дворе» — латыш. *ārā* «на дворе»²⁴.

Аналогичные соответствия с длительной интонацией в латышском наблюдаются и в случаях с древними сочетаниями гласных, которые в хеттском должны были заключать в себе плавный переход от первого элемента ко второму в виде согласного призвуча *j* или *u*, передаваемого обычно на письме отдельным знаком. Ср.: хет. *šu-ū-e-el*, *šu-ū-i-il* «всревка» — латыш. *šūt* «шить»; хет. *im-mi-ya-az-zi* «мешает» — латыш. *mānīt* (но *mīt*) «менять» (ср. санскр. *mayate* «меняет»). Возможно, что сюда же следует отнести соответствия хет. *iš-pi-ja-an-zi* «насыщаются», *iš-pi-ya* «ты насыщался» и т. п. — латыш. *spēt*, *spēju* «мочь, могу»: в таком случае форма *iš-pa-a-i* «насыщается», указывающая обозначением взрывного ларингального на отсутствие в ней плавного перехода к *i*, должна быть объяснена как результат влияния форм *da-a-i*, *la-a-i* и т. п., в которых взрывной ларингальный входит в состав корня.

Совершенно иначе обстоит дело с латышскими соответствиями в тех случаях, когда хеттские написания указывают на наличие взрывного ларингального в основе слова. Такие слова в латышском языке довольно последовательно обнаруживают прерывистое ударение. Например: хет. *da-a-i* «берет», *da-a-an-zi* «берут», *da-a-aḥ-ḥu-un* «я брал», *da-a-aš* «он брал», *da-a-u-en* «мы брали», *da-a-ir* «они брали», *da-a* «бери» и т. п. — латыш. *dāt*, *dāmu* «дать, даю», *dāvana* «подарок» (хотя *dāvāt* «дарить»); хет. *da-a-i* «кладет», *da-a-iš* «ты клал, он клал», *da-a-ir*, *da-a-i-e-ir* «они клали», *da-a-ū* «пусть кладет» и т. п. — латыш. *dēt*, *dēju* «нести, класть (яйца)»; хет. *(ū)wa-a-lar* «вода» — латыш. *ūdr(i)s* «выдра»; хет. *ka-ra-a-pi* «пожирает», *ka-ri-e-pi-ir* «они пожирали» — латыш. *grābt*, *grābu* «хватать, хватаю»; хет. *la-a-ši* «развязываешь, распрягаешь», *la-a-i* «развязывает», *la-a-an-zi* «развязывают», *la-a-ū-un* «я развязывал», *la-a-u-an* «мы развязывали» — латыш. *lauzt*, *laužu* «ломать, ломаю», *lūzt*, *lūztu*, *lūžu* «ломаться», *lauška* «черепок» и т. п.; хет. *pa-ra-a* «вперед», *pa-ra-a-i* «посылает вперед» — латыш. *prōjam* (*prōm*) «вон, прочь». Взрывному ларингальному корню, отраженному в удвоенном *-a-* хеттских написаний *la-a-ḥu-i*, *la-a-ḥu-wa-i* «льет», соответствуют латышские формы с прерывистой интонацией *liētus* «дождь», *līt*, *listu* «идти дождю», представляющие собой, как показывает их огласовка, образования с отличным от хеттского распространением корня²⁵ и именно поэтому не обнаруживающие дли-

²³ К этимологии см. H. H e n d r i k s e n, указ. соч., стр. 34.

²⁴ Хеттскому *ḥ* закономерно соответствует длительная интонация во втором слоге латышского слова *ārā*. Долгота начального *a-*, отраженного в латышском *ārā*, в хеттском не находит себе никакой параллели (возможно, в силу редукции одного из гласных элементов). Что касается латышских слов *ait* «пахать», *arklis* «плуг, соха» и родственных им слов других индоевропейских языков, то их связь с латыш. *ārā*, хет. *ar-ḥa* представляется крайне сомнительной прежде всего по соображениям семасологическим.

²⁵ Ср. В. Я ч. И в а н о в, Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии, «Вестник МГУ». Ист.-филол. серия, 1957, № 2, стр. 37.

тельной интонации, которая бы соответствовала хеттскому *h*. Хеттским формам *ka-ra-a-az* «сердце» и *wa-ra-a-ni*, *ú-ra-a-ni* «горит», *wa-ra-a-nu*, *ú-ra-a-nu* «пусть горит» с взрывным ларингальным, отраженным в письме на фоне сохранившегося гласного после *r* (ср. *u-ur-ri-ir* «они горели» с редукцией гласного после *r*), соответствуют латышские формы *siřds* «сердце» и *viřt*, *veřdu* «кшеть, киплю» с редукцией гласного после *r*, но с последовательно сохраненным рефлексом ларингального в виде прерывистой интонации сонорного. Возможно, что удвоение *l* в хеттских формах *iř-gal-la-i*, *iř-kal-la-i*, *iř-kal-la-a-ri* «калечит, рвет, раскалывает (?)», *iř-kal-li-iř-sar* «калечение» указывает на такое же видоизменение взрывного ларингального после *l*, как в форме *u-ur-ri-ir*, поскольку в латышском соответствии *řk'el't* (*řk'el'u*) выступает прерывистая интонация. Возможно также, что именно взрывной ларингальный или его видоизменение отражается в хеттских написаниях с удвоением согласных после *-ya-* (ср. *i-ya-at-ta*, *i-ya-at-ta-ri*, *i-ya-ad-da-a-ri* «идет», *i-ya-ad-du-ma* «идете», *i-ya-ař-řa-ri* «иду», *i-ya-ař-řa-at*, *i-ya-ař-řa-řa-at* «я шел» и т. п., которым в таком случае соответствует латыш. *jāt*, *jāju* «ездить, езжу верхом»). Хеттским написаниям *iř-da-a-pi* (*iř-dap-pi*) «запирает; откладывает в запас» соответствует лишь часть родственных латышских форм — *stāt*, *stāju*, *apstāt*, *apstāju*, *stātīēs*, *stājōs* «перестать, перестаю», между тем как формы *stāvēt* «стоять», *stāvs* «крутой», *stādīt* «сажать» представляют отклонение. Однако показательно то, что среди имеющегося материала не обнаруживается ни один пример такого соотношения, при котором хеттскому двойному написанию гласного внутри или в конце слова соответствовала бы латышский корень, не имеющий хотя бы части форм с прерывистой интонацией, между тем как подавляющее большинство таких соответствий представляет прерывистую интонацию без каких-либо частных отклонений²⁶.

Приведенные соответствия между хеттским и латышским языками дают, таким образом, основание утверждать, что характеризующая латышскую прерывистую интонацию гортанная смычка представляет собой прямой рефлекс индоевропейского взрывного ларингального (а может быть, и двух взрывных ларингальных). Превратившись постепенно в чисто интонационный признак, эта смычка обнаружила способность распространения и на такие слова с близкой по звучанию нисходящей интонацией, в которых взрывного ларингального никогда не было. Так, в значительной части говоров латышского языка (в части Курляндии и в Западной Видземе) нисходящая интонация слеплась в произношении с прерывистой²⁷, что и послужило причиной длительного игнорирования латышской нисходящей интонации в лингвистических исследованиях XIX — начала XX в.²⁸ Сопоставление фактов латышского языка с данными из литовских говоров показывает, что прерывистая интонация имела место также и в литовском языке еще после распада литовско-латышского единства. В северо-западной части жемайтских говоров все акцентированные в прошлом ударные слоги, произносящиеся в остальных современных литовских говорах (в том числе и соседних с указанными жемайтскими) как нисходящие, обнаруживают прерывистую интонацию, тождественную

²⁶ Несоответствия обратного порядка, т. е. наличие прерывистой интонации в латышском при отсутствии повторного написания гласных внутри слова в хеттском, иногда встречаются. Ср.: латыш. *ēst*, *ēdu* «есть, ем», *ēdesis* «корм для свиней», *ēde* «птица», *ōds* «комар» при хет. *e-it-mi* «ем», *e-za-az-zi* «ест», *e-te-ir* «они ели» и т. п.; латыш. *iēt*, *iēmu* «идти, иду» при хет. *i-it* «иди», *e-řu* «чу»; упомянутое выше латыш. *ārā* «на дворе» при хет. *ař-řa* «прочь». Но эти несоответствия нельзя признать решающими по ряду соображений: в хеттском наличие ларингального могло не отразиться вследствие редукции предшествующего гласного, в латышском могло иметь место образование по звуковому составу корня несколько отличное от хеттского, и т. п.

²⁷ См. J. E n d z e l i n, *Latviešu valodas gramatika*, . . . 1951, стр. 39—40.

²⁸ См. N. v a n W i j k, *Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonations-systeme*, стр. 19.

в целом с прерывистой латышской²⁹. В этих говорах латышским словам с прерывистой интонацией последовательно соответствуют родственные слова с такой же прерывистой интонацией. В остальных говорах литовского языка все слова, имеющие в жемайтском прерывистую интонацию, в том числе и соответствующие латышским словам с прерывистой интонацией, произносятся с нисходящей интонацией. Это значит, что в литовском языке в период превращения старых акутированных долгот в нисходящие и старых циркумфлектированных долгот в восходящие сохранялись еще как особая разновидность произношения слоги с гортанной смычкой, которые впоследствии, превратившись в интонационную разновидность (как и в латышском), слились с нисходящей интонацией; но в отличие от латышского языка, в котором нисходящая интонация представляла собой оттенок циркумфлекса, литовская нисходящая интонация к этому времени оказалась уже рефлексом старого акута. Если бы интонация слогов с гортанной смычкой слилась в литовском с нисходящей интонацией как таковой еще тогда, когда нисходящее произношение было свойственно циркумфлектированным слогам, прерывистая интонация (рефлекс гортанной смычки) совпала бы в литовском не с акутированной, а с циркумфлектированной, и тогда Эндзелину пришлось бы рассматривать прерывистую интонацию в латышском как особую разновидность не акута, а циркумфлекса. Случайное совпадение рефлексов гортанной смычки в литовском с рефлексами старого акута привело Эндзелина к ошибочному заключению о происхождении латышской прерывистой интонации из старой акутированной.

Факт совпадения прерывистой интонации как в латышских, так и в литовских говорах с нисходящей интонацией, независимо от ее происхождения, со всей очевидностью указывает на то, что основным и наиболее существенным признаком прерывистой интонации по сравнению с другими интонациями балтийских языков является подчеркиваемое многими исследователями разделение слога на более сильную часть — до смычки и более слабую, нередко произносимую шепотом. — после смычки³⁰. Такая характеристика прерывистой интонации не имеет ничего общего с искусственно выделяемым у Экблома моментом резкого повышения тона и силы давления воздуха до момента смыка. Именно на этом частном признаке латышской прерывистой интонации Экблом основывает свое утверждение о возникновении прерывистой интонации в латышском, как и гортанной смычки в датском, из особенно сильного повышения тона, которое якобы должно было иметь место при произношении некоторой части акутированных ударных слогов³¹.

Что касается датской гортанной смычки (*stød*), то говорить о ее происхождении пока что труднее, чем о происхождении балтийской прерывистой интонации, поскольку датский *stød* нигде не сохранился в качестве особой разновидности произношения определенных слогов, отличной от известных в датском двух интонационных типов (1-й и 2-й акцент). В тех датских говорах, где сохраняется различие этих двух типов и вместе с тем имеется *stød*, этот последний оказывается связанным с 1-м акцентом, за исключением односложных слов с долгими гласными или сочетаниями кратких гласных с последующими звонкими согласными, где *stød* высту-

²⁹ G. Gerullis, *Litauische Dialektstudien*, Leipzig, 1930. стр. XLI—XLII. XXVIII—XXIX и др.; ср. также J. Aleksandravičius, *Kirtis ir priegaide Kretingos tarmėje*, сб. «Lietuvių kalbotyros klausimai», I, Vilnius, 1957. стр. 104.

³⁰ Ср. J. Endzelin, *Über den lettischen Silbenakzent*, стр. 260; его же *Latviešu valodas gramatika*, стр. 34; G. Gerullis, *Litauische Dialektstudien*. стр. XLI—XLIV; K. Būga, *Lietuvių kalbos žodynas, sąsiuvinis I*. Kaunas. 1924. стр. XXIV (§§ 24—22).

³¹ R. Ekblom, *Die lettischen Akzentarten*. стр. 49 и др.; ср. его же *Zur Entstehung und Entwicklung der slavo-baltischen und der nordischen Akzentarten*, Uppsala, 1930.

пает всегда³². Ввиду такой связи гортанной смычки с 1-м акцентом обычно считается, что датский *stǫð* представляет собой в большинстве диалектов лишь видоизменение 1-го акцента³³. Учитывая, однако, даваемую в специальных работах характеристику 1-го акцента современного датского языка как в основном нисходящего, а 2-го — как в основном восходящего, а также соответствие *stǫð*'а циркумфлексовой интонации в говорах, не знающих *stǫð*'а³⁴, ни в коем случае нельзя обойти молчанием параллелизм этой связи с рассмотренной только что связью прерывистой и нисходящей интонаций в балтийских языках. Поэтому не исключена возможность, что и датский *stǫð* представляет собой рефлекс взрывного ларингального, смешавшийся впоследствии с 1-м акцентом и распространившийся на некоторые другие звуковые формы.

*

Вывод об общеиндоевропейском происхождении прерывистой интонации латышского языка, т. е. о сохранении в ней рефлекса древнего взрывного ларингального согласного, усматриваемого также и в хеттских удвоенных написаниях гласных, подтверждается сравнением фактов латышского и, частично, хеттского языков с фактами других индоевропейских языков — именно славянских и греческого.

Некоторые особенности славянской акцентологии представляют собой замечательные соответствия рассмотренным здесь явлениям балтийских языков. В литературе давно уже отмечаются факты отклонений в характере интонации части славянских слов от установленного де Соссюром положения о том, что долгие индоевропейские монофонги в славянском, как и в других индоевропейских языках, должны иметь акутированную интонацию; кроме того, указываются многочисленные расхождения между славянскими и литовским языками в интонировании краткостных дифтонгических сочетаний с сонорными. Вместо ожидаемого или представляемого соответствующими литовскими словами акута, в ряде славянских слов древнего происхождения обнаруживается циркумфлекс³⁵. Перечислив такие примеры несоответствий между славянской и балтийской интонациями [литов. *gyvas* — сербско-хорв. *živ* (ср. *žir*); литов. *galvā* (*gálvā*), латыш. *galva* — сербско-хорв. *glava* (*glāvu*); латыш. *dziļna* — чакав. *žūnā*; литов. *klėtis* — сербско-хорв. *kljjet*; литов. *kūjis* — словен. *kij*; литов. *lėnas* — сербско-хорв. *lijen*; литов. *nūogas*, латыш. *nuōgs* — сербско-хорв. *nāg*; литов. *pėntis* — сербско-хорв. *pėta* (*pėtu*); литов. *rūožas* — сербско-хорв. *rāz*; литов. *rėžas* — словен. *rěz*; литов. *sūnus* (*sūnu*) — сербско-хорв. *sin*; литов. *valtis* — словен. *vlāt* (род. падеж *vlati*); литов. *vėidas* — сербско-хорв. *vīd* (при *vidjeti*, чакав. *vid*); литов. *jāunas* — словен. *jūn*], X. Станг справедливо указывает, что перечисленные им примеры слишком многочисленны, чтобы их можно было признать случайными³⁶. Еще меньше оснований для признания этих несоответствий случайными становится, если к ним прибавить следующий ряд несоответствий из области гла-

³² См. Е. Кроман, *Musikalsk Akcent i Dansk. med Tillæg: Svenske Indvandring i Danmark i Oldtiden*, «Acta philologica Scandinavica. Tidsskrift for nordisk Sprogforskning», Bd. 20, Hf. 1—2, 1949 (обл. 1947), стр. 41, 53 и др.

³³ См. об этом, например, J. Kuryłowicz, *L'accentuation des langues indoeuropéennes*, стр. 402. Историю разработки вопроса см. в 1-й и 8-й главах упомянутой работы Э. Кромана (стр. 5—24 и 148—173).

³⁴ См. Е. Кроман, указ. соч., стр. 42, 49—50, 169—171.

³⁵ А. Мейе, О некоторых аномалиях ударения в славянских именах, РФВ, т. XLVIII, № 3—4, 1902, стр. 193—200; С. H. Stang, *Slavonic accentuation*, Oslo, 1957, стр. 9, 23—24, 134 и др. Часть соответствующих случаев Н Ван-Вейк рассматривал среди примеров предполагаемой им древней метатоники акута в обычный циркумфлекс и циркумфлекса в обычный акут (объяснение этой метатоники он считал в свое время невозможным). См. N. van Wijk, *Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme*, стр. 92.

³⁶ С. H. Stang, указ. соч., стр. 9.

голов (особенно в формах аориста, причастия на *-lъ* и супина ³⁷) и отглагольных образований: литов. *dôti, dôja, dovanà (dôvanà)* — сербско-хорв. *dâm, dâš, dâ, dân (dât)*, аорист 2-го — 3-го лица *dâ, dâr*, чакав. *dâl* (при сербско-хорв. *dâti, dào*, аорист 1-го лица *dâh* и т. п.); литов. *êsti, êda, êdzios* «кормушка» (при *êdis, êdalis* «корм») — сербско-хорв. *jêm, jêš, jê*, чакав. *jén* (новый акут); литов. *bûti, bûsimas* «будущий», *bûstas* «помещение» (при *bûtas* «квартира», *bûva* «бывает») — сербско-хорв. аорист 2-го — 3-го лица *bî*, причастие *bît, bîvî*, чакав. *bîl* (при *bîti*, аорист 1-го лица *bîh* и т. п.); литов. *lieti, liêja* «лечь», *lyti* «дождить» (при *lyja* «идет дождь») — сербско-хорв. аорист 2-го — 3-го лица *li*, причастие *lît, lîo*, словен. супин *lît* (при сербско-хорв. *liti*, аорист 1-го лица *lih* и т. п.); литов. *vÿti* «вить» (при *vÿturas* «бинт») — сербско-хорв. аорист 2-го — 3-го лица *vî*, словен. супин *vît* (при сербско-хорв. *viti*, аорист 1-го лица *vîh* и т. п.); литов. *siûti* «шить», *siûlas* «нитка» — сербско-хорв. аорист 2-го — 3-го лица *ši* и *šî* (при *šiti*, аорист 1-го лица *ših* и т. п.); литов. *stôti* «стать», *stônas* «состояние» — сербско-хорв. *stân, stâna* (при *stâti* и т. п.); литов. *smirdžu* «воняю», *smarve* «вонь» — сербско-хорв. *smrâd*, русск. *смород*; литов. *bëgti, bëgu* «бежать» (при *bëgis* «бег») — сербско-хорв. *bîjeg*; литов. *mërkti, mërkia* «закмурить глаза» — сербско-хорв. *mràk*, русск. *морок*; литов. *grâuzti* «грызть» — сербско-хорв. аорист 2-го — 3-го лица *grîze* «грыз», *grîz* «укус». Ср. также сербско-хорв. *zvîjer (zvêr)* при литов. *žvêris (žvêri)*; сербско-хорв. *sâd*, словен. супин *sêst* и соответствующее ему литов. *sôdas* с циркумфлексом на долгом монофтонге; словен. *vîdra* при сербско-хорв. *vidra*, литов. *ûdra* и некоторые другие более частные случаи.

Все эти случаи отклонения в характере интонации в славянском, заключающиеся в наличии циркумфлектированной интонации либо на долгих монофтонгах, либо на дифтонгах и дифтонгических сочетаниях, имеющих в литовском акутовую интонацию, единого объяснения до сих пор не получили. Отклоняющуюся циркумфлектированную интонацию в именах существительных А. Мейе поставил в зависимость от древней подвижности ударения, свойственной части соответствующих слов как в общеславянском, так и в балтийском³⁸. Таким образом, объяснение особенностей интонации особенностями в расположении ударения, выдвинутое Я. Эндзелем (вслед за Ф. де Соссюром) для латышского языка, было перенесено А. Мейе (без какого-либо указания на связь с латышскими интонациями) также и на славянские языки. К объяснению Мейе присоединяются другие последователи, хотя внутренние причины принимаемой таким образом зависимости остаются для славянских языков настолько же неясными, как и для латышского языка в гипотезе Эндзелина. При этом часть отклонений, обнаруживающуюся в сербско-хорватских односложных формах аориста, Станг объясняет псевшим якобы место влиянием форм с древними дифтонгами **vitъ, *litъ, *pitъ* на формы *vî, lî, pî*, которые в свою очередь повлияли на *dâ, bî*, а В. А. Дыбо — предполагаемым конечным ударением в параллельных двусложных формах аориста типа *бытъ, датъ*, принимаемых за древние³⁹.

В качестве одного из доказательств совершившегося в прошлом перемещения конечного ударения Л. А. Булаховский постоянно указывает на параллелизм между отклоняющейся от общего правила циркумфлексовой интонацией долгих монофтонгов в части славянских форм и преры-

³⁷ Подробный анализ материала, отражающего интонационные особенности славянских супинов, причастий на *-lъ* и т. п., см. в статье: L. V u l a c h o v s k i j, Die Intonation des slavischen Supinums, ZfslPh, Bd. IV. Hf. 1—2, 1927, стр. 69—83. Новый систематический обзор славянских глагольных форм с отклоняющейся циркумфлексовой интонацией дается в статье: В. А. Дыбо, О древнейшей метатонии в славянском глаголе, ВЯ, 1958, № 6, стр. 53—62.

³⁸ А. Мейе, указ. соч.

³⁹ С h. S t a n g, Slavonic accentuation, стр. 134—135; В. А. Дыбо указ. соч., стр. 61—62.

вистой интонацией родственных латышских слов⁴⁰. Действительно, из 22 найденных в латышском языке соответствий к перечисленным славянским корням 19 корней имеют прерывистую интонацию, так что всего лишь 3 корня в латышском [латыш. *klēts* (сербско-хорв. *kljjet*), *leñs* (сербско-хорв. *ljjen*) и *šūt* (сербско-хорв. *šj*)] указывают на отклонение славянской циркумфлексовой интонации от древней акутовой, обнаруживаемой при исследовании литовского языка. Что же касается указанных 19 случаев циркумфлексовой интонации, соответствующих прерывистой интонации в латышском [ср. сербско-хорв. *živ*, *žir* — латыш. *dzīvs* «живой», *dzīt* «закрывать», *dzīvāt* «жить», *dzīve* «жизнь»; сербско-хорв. *glāvu* — латыш. *galva*; чакав. *žunā* — латыш. *dzilna*; словен. *kij* — латыш. *kaūt* «закалывать, бить», но *kūja* «палка»; сербско-хорв. *nāg* — латыш. диал. *nuōgs* «голый»; словен. *jūn* — латыш. *jaūns* «новый, молодой»; сербско-хорв. *dām*, *dā*, *dār* — латыш. *dāt*, *dōmu* «дать», *dāvana* «дар», ср. хет. *da-a-i*, *da-a-aš*; сербско-хорв. *jēm*, чакав. *jén* — латыш. *ēst*, *ēdu* «есть»; сербско-хорв. *bi*, *bit*, *bīcši*, чакав. *bīl* — латыш. *būt*; сербско-хорв. *li*, *lit*, *lō* — латыш. *līt* «идти дождю», *lēju* «лью», хет. *la-a-ḥu-i*; сербско-хорв. *vi*, словен. *vīt* — латыш. *vīt* «вить»; сербско-хорв. *stān* — латыш. *stāt*, *apstāt* «перестать», хет. *iš-da-a-pi*; сербско-хорв. *smrād* — латыш. *smirdet* «вонять», *smārša* «запах»; сербско-хорв. *bīeg* — латыш. *bēgt*, *bēgu* «бежать»; сербско-хорв. *mrāk* — латыш. *mīrkskīnāt* «моргать»; сербско-хорв. *grīz* — латыш. *graūzt*, *graūzu* «грызть»; сербско-хорв. *zvijer* — латыш. *zvērs*; сербско-хорв. *sād*, словен. *sēst* — латыш. *sēdēt*, *sēzu* «сидеть»; словен. *vīdra* — латыш. *ūdr(i)s*, хет. *(u-)wa-a-tar*], то они, вместе взятые, являются свидетельством того, что и славянским языкам до определенного периода их развития был свойствен рефлекс индоевропейского взрывного ларингального, который впоследствии, превратившись в чисто интонационную разновидность, как и в балтийских языках, слился с наиболее близкой к нему по звуковой природе нисходящей (циркумфлексовой) интонацией⁴¹. При этом возможное в таких случаях перемещение конечного или подвижного ударения с конечного слога на слог, становившийся затем циркумфлектированным, как раз и могло быть связано с процессом ослабления смычного ларингального и превращения двух предударных в прошлом слогов, разделенных ларингальными, в один слог.

Отсутствие в славянских языках последовательности в проведении циркумфлексовой интонации, соответствующей латышской прерывистой, по всем формам, производным от корней, обнаруживающих эту интонацию в части случаев, говорит скорее всего о том, что рефлексация взрывного ларингального в виде циркумфлексовой интонации долгих монофтонов здесь осуществлялась лишь в каких-то специальных условиях, пока что остающихся неясными.

*

Славянские языки не сохранили с достаточной четкостью различия между взрывным и фрикативным ларингальными в рефлексации сочетаний этих ларингальных с предшествующими *r*, *l* (в том числе с *r*, *l* слоговыми), т. е. находящимися в положении между редуцированными гласными). Независимо от качества следовавшего за *r* или *l* ларингального славянские языки в большинстве таких случаев, как и при рефлексации сочета-

⁴⁰ L. В u l a c h o v s k i j, Die Intonation des slavischen Supinums, стр. 73—77; Л. А. Булаховский, Акцентологический закон А. А. Шахматова, сб. «А. А. Шахматов. 1864—1920», М.—Л., 1947, стр. 422 и др. Ср. также упомянутую статью В. А. Дыбо.

⁴¹ А. Вайян, выдвинувший верное в принципе положение об отражении следов исчезнувшего ларингального в индоевропейских интонационных различиях, допускает необоснованное смешение фрикативного и взрывного ларингальных при объяснении индоевропейской и, в частности, балто-славянской акутовой интонации (см.: A. V a i l l a n t, Le problème des intonations balto-slaves, BSLP, t. XXXVII, fasc. 2. 1936, стр. 109—115; е го же, Grammaire comparée des langues slaves, t. I, Lyon—Paris, 1950, стр. 238—246.

ний ларингальных с предшествующими гласными, представляют акут, и только часть форм, соответствующих латышским формам с прерывистой интонацией, получает в славянском циркумфлексовую интонацию. Ср., с одной стороны: латыш. *raīna* — сербско-хорв. *vřāna*; латыш. *mālt* — сербско-хорв. *mlēti*; латыш. *mīřt* — сербско-хорв. *smřt*; латыш. *ziřnis* — сербско-хорв. *zřno*; латыш. *piřns* — сербско-хорв. *přn* и, с другой стороны, латыш. *sařds* — сербско-хорв. *slādak* (но *slād*); латыш. *ařt* — сербско-хорв. *rātar*; латыш. *siřds* — сербско-хорв. *řce*, но латыш. *sařna*, *sařt* — сербско-хорв. *hlād* (при *hlādņik*, *hlādnoķřvan*); латыш. *sařgs* — сербско-хорв. *strāza*, русск. *стōрож*; латыш. *seřde* — укр. *сеpeдā*, сербско-хорв. *srēda* и т. п. Значительно более последовательно различаются рефлексы взрывного и фрикативного ларингальных после *r* и *l* в греческом языке.

Известно, что присоединение ларингального к сочетанию гласного с *r* или *l* в греческом, как и в некоторых других индоевропейских языках, создавало двусложные звукосочетания типа *ara*, *ala* и т. п.⁴². Однако до сих пор не установлено, почему в одних случаях такие двусложные звукосочетания, являющиеся составными частями так называемых двусложных основ, имеют после сонорных гласный *a*, в других же случаях — гласные *e* или *o* (например, *κέραμος* «глина», *γέρανος* «журавль», *κάλαδος* «шум», но *ζέρεθρον* «пропасть». *ζέλεμον* «боевая секира», *ζέρτρον* «соха» и др.). Г. Хирт, не рассматривающий в своих работах индоевропейских ларингальных, считал единственно закономерным рефлексом индоевропейского *a* после *r*, *l* в таких сочетаниях греческую *α*, между тем как гласные *ε* и *ο* он вслед за И. Шмидтом рассматривал как результат ассимиляции⁴³. Характер различных сочетаний, в которых выступают гласные *ε* или *ο* после *ρ*, *λ* в таких греческих формах, далеко не всегда дает возможность усмотреть источник предполагаемой Хиртом ассимиляции (например, *μαλέρος*, *πέλομαι*, *ἀροτήρ*); также в случае сохранения *α* не всегда можно сказать, почему *α* не подвергается ассимиляции (например, *κέραμος*, *τελαμών* и др.)⁴⁴. М. Грамон все такие *ε* в конце двусложных основ в греческом считает тематическими гласными, в которых *ε* растворяется⁴⁵. Значительно убедительнее объясняется различие в огласовке второго слога этих греческих звукосочетаний характером произносившихся некогда в соответствующем положении ларингальных, рефлексy которых устанавливаются путем сравнения греческих форм с соответствующими латышскими и хеттскими.

Сопоставление показывает, что гласный *α* после *ρ*, *λ* в рассматриваемых греческих сочетаниях выступает в тех основах, которыми в латышском языке соответствуют формы с длительной интонацией в дифтонгических сочетаниях с *r*, *l*, а в хеттском — формы с согласным *h* после *r*, *l*. Ср.: *κέραμος* «горшечная глина» — латыш. *sařms* «шелок»; *γέρανος* «журавль» — латыш. *dzeřve* «журавль»; *μαρανσις*, *μαρασιμός* «истощение, исчезновение» — латыш. *mīřt* «умирать»; *σέραφος* «брань, злословие» — латыш. *řkiřt* «разделять», *řkiřba* «щель»⁴⁶; *μαλακός* «мягкий» — латыш. *māli* «молоть», *mīli* «мука»; *κάλαμος* «камыш, стебель, солома» — латыш. *sařms* «соломина», *salmi* «солома»; *τέλας* «свет, огонь», *τελαγέω* «освещаю, жгу» — латыш. *svēlme* «жар, зной», *svīlt* «гореть, пылать»; *τελαμών* «перевязь, ремень», *τάλας* «корзинка, плетенка» — латыш. *tīlts* «мост»⁴⁷:

⁴² W. P. Lehmann, Proto-Indo-European phonology. Austin, 1955, стр. 86—90, 93; A. Vailant, Grammaire comparée des langues slaves, стр. 242 и др.

⁴³ H. Hirt, Der indogermanische Vokalismus. Heidelberg, 1921, стр. 124.

⁴⁴ Ср. также E. Schwyzer, Griechische Grammatik. Lief. 1, München, 1934, стр. 362.

⁴⁵ M. Gramont, Phonétique du grec ancien, Lyon, 1948, стр. 316—319.

⁴⁶ См.: H. Hirt, указ. соч., стр. 130; A. W. Waldе, Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, hrsg. und bearb. von J. Pokorny. Bd. II, Berlin—Leipzig, 1927, стр. 574—576.

⁴⁷ Предложенная Г. Хиртом этимология *θάλασσα* «море» — литов. *dēlna*

περάς «предел», περάω «перехожу» — хет. *pár-ah-zi* «гонит». В целом в греческом не найдена ни одна двусложная основа с гласным α после ρ или λ , которой в латышском соответствовали бы формы с рефлексом взрывного ларингального⁴⁸.

В отличие от двусложных основ с α во втором слоге, двусложные основы с ϵ и o после ρ , λ оказываются в греческом регулярными соответствиями таких латышских основ, которые заключают в себе рефлекс взрывного ларингального, т. е. характеризуются прерывистой интонацией. Ср.: ζερεθρον «пропасть» — латыш. *dzeît* «пить»; ὄροτή «пахарь», ὄροτρον «соха», ἄροσις «пашня» — латыш. *ârt* «пахать», *ârkliþs* «плуг», соха⁴⁹; μαλερός «сильный, могучий» — латыш. *mîlzis* «великан», *mîlzi* «нарывать»; στελέχος «нижняя часть ствола, пень» — латыш. *stulms* «пень»; κολοφόν «вершина» (κολώνος «высота, холм») — латыш. *kaîns* «гора», *ceît* «поднимать»⁵⁰; βέλεμνον «боевая секира» (ср. βελόνη «острие, игла») — латыш. *dzêl'u* (*dzêl'i?*) «жалить»⁵¹. Единственное обнаруженное исключение из приведенного ряда соответствий составляет греч. ἐρετμόν «весло» (ср. ἐρέτης «гребец», ἐρέσσω «гребу») при латыш. *îrkliþs* «весло»; прочем второе ϵ в данных греческих формах, как и в ряде других подобных случаев, П. Персон считает тематическим гласным⁵². Как бы ни объяснять это последнее греческо-балтийское соответствие, остается несомненной общая связь звуков ϵ и o после ρ или λ во втором слоге двусложных основ в греческом и прерывистой интонации у дифтонгических сочетаний с r , l в соответствующих словах латышского языка, на основании чего должна быть признана рефлексация индоевропейского взрывного ларингального в обоих случаях.

*

Совокупность приведенных данных из индоевропейских языков — хеттского, балтийских, славянских и греческого — сама по себе оказывается вполне достаточной для обоснования положения о том, что в индоевропейских языках сохраняется рефлекс взрывного ларингального, отличный от рефлекса ларингального щелевого. Убедительность этого положения еще более возрастает при сопоставлении результатов, добытых путем изучения одних индоевропейских фактов, с выводами, полученными Г. Меллером и А. Кюни, которые исходили преимущественно из данных

(латыш. *dêlna*) «ладонь» (по аналогии к связи *πέλαγος* «море» — *παλάμη* «ладонь») кажется слишком сомнительной. См. Н. Нирт, указ. соч., стр. 117.

⁴⁸ Греческие слова *χώραξ* «жердь, кол», *χάρασσω* «острю», приводимые в связи с литов. *žirkles* (латыш. *dziðkles*) «ножницы» [см.: Н. Нирт, указ. соч., стр. 137; A. Wald e, Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 3 Aufl., Bd. I, Heidelberg, 1938, стр. 569 (под *furca*) и др.], никаких следов ларингального не представляют, поскольку вторая α в этих основах не является элементом двусложной базы, как думал Хирт, а входит в состав суффикса *-ak-* (см. А. Б е л е ц к и й, Принципы этимологических исследований, Киев, 1950, стр. 129—130; P. Chantraîne, La formation des noms en grec ancien, Paris, 1933, стр. 392). С другой стороны, авторитетные литуанисты вообще отрицают какую бы то ни было этимологическую связь литов. *žirkles* с греч. *χώραξ* (см. К. В ü g a, Kalba ir senovės, Kaunas, 1922, стр. 262 и сл.).

⁴⁹ Хет. *ar-ha* «на дворе» либо представляет образование, вовсе не родственное латыш. *ârt*, греч. ὄροτρον и т. п. (см. выше), либо включает в себе другое распространение корня.

⁵⁰ Г. Хирт связывает латышское слово *ceît* (литов. *kêlti*) с санскр. *čáritum* «двигаться» и греч. τέλετη «завершение», τελέω «кончаю», следовательно, и с *πέλεσις* «окончание» (Н. Нирт, указ. соч., стр. 120 и 117).

⁵¹ П. Персон считает второе ϵ в слове βέλεμνον тематическим гласным (P. Persson, Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, Bd. I, Uppsala, 1912, стр. 663), а Р. Траутман сопоставляет балтийское *gêlti* (**gêlîti*) не с βέλεμνον, а с германским *quellen* (R. Trautman, Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, стр. 83).

⁵² Р. Перссон, указ. соч., стр. 664. О понимании тематического гласного как бывшей составной части двусложной основы см.: Н. К р о n a s s e r, указ. соч., стр. 164 (сноска).

семито-хамитских языков и не знали рассмотренной здесь индоевропейской рефлексии взрывного ларингального.

Привлекая к сопоставлению с индоевропейскими языковыми фактами данные семито-хамитских языков, следует учитывать, что в случае родства отдельных корней в обеих языковых семьях эти корни могут совпадать преимущественно своими первыми двумя согласными элементами как наиболее древними корневыми частями, поскольку следующие за ними согласные элементы представляют собой более поздние образования или даже настоящие суффиксы, присоединявшиеся к корням, вероятнее всего, уже после распада предполагаемого семито-хамитско-индоевропейского единства. Поэтому для подтверждения производимой на основании индоевропейских данных реконструкции щелевого ларингального, занимающего третье место среди согласных элементов индоевропейского корня, вряд ли могут иметь серьезное значение такие приводимые у Кюни семито-хамитские или даже «ностратические» реконструкции, как семит. **malaḥ* «молоть» (ср. греч. *μαλαχός*, латыш. *maļt*) или нострат. **pārāḥā* «светлый, видимый» (ср. латыш. *beŗzs* «береза»)⁵³, в которых семитский щелевой ларингальный *ḥ* соответствует рефлексам щелевого ларингального в латышском и греческом; точно так же не следует переоценивать и те случаи, в которых реконструируемые Меллером и Кюни корни содержат в качестве третьего согласного элемента взрывной ларингальной при свидетельстве индоевропейских языков о щелевом ларингальном в соответствующих словах (ср. нострат. **tālāiā* «поднимать, подвешивать» при греч. *τελαίω*, латыш. *tīlts* или нострат. **pālāiā*/**bālāiā* и т. п. «наполнять» при латыш. *piļns*)⁵⁴.

Подобные совпадения или расхождения в звуковом составе родственных корней могли образоваться и в результате параллельного развития индоевропейских и семито-хамитских языков после их разделения. Значительно более показательным является характер индоевропейско-семито-хамитских соответствий в тех случаях, когда речь идет о ларингальном, занимавшем второе место от начала среди согласных элементов корня. Из приведенных в книге Кюни ностратических и семитических реконструкций такого характера 4 реконструкции имеют соответствия в латышском языке. При этом две из этих реконструкций — нострат. **k₂^{sf}āḥā* «кашлять» и семит. **taḥan(a)* «молоть зерно» — своим щелевым ларингальным *ḥ* подтверждают правильность положения о рефлексии щелевого ларингального в виде длительной интонации латышских слов *kāšēt* «кашлять» и *donā* «хлеб», а семит. **ta'a* (эфиоп. *te'itū* «хорошо расположенный, прямой») своим взрывным ларингальным *t'* поддерживает свидетельство об индоевропейском взрывном ларингальном в хет. *ta-a-i*. *ta-a-ū* «класть», латыш. *dēt*⁵⁵. Что касается четвертой из аналогичных ностратических реконструкций — **mā-; ā* «мать», то она кажется слишком искусственно построенной на основании семитического **ā-ma* и п.-е. **mā*⁵⁶, чтобы можно было придавать серьезное значение возникающему при этом несоответствию предполагаемого взрывного ларингального; в этой ностратической реконструкции и рефлекса щелевого ларингального в латышском *māte* «мать».

⁵³ См. A. C u n y, Invitation à l'étude comparative des langues indo-européennes et des langues chamito-sémitiques, Bordeaux, 1946, стр. 121, 144.

⁵⁴ Там же, стр. 124, 142.

⁵⁵ Там же, стр. 138, 141.

⁵⁶ Там же, стр. 161.